

8P2(092)

Я-64

Я Н О В С К И Й

Н. ЯНОВСКИЙ

ЛР2/092)
264

Виктор
Астафьев

Очерк творчества

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1982

Оренбургская областная
библиотека им. Н. Н. Крупской

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Принято считать: творчество Виктора Астафьева автобиографично. Основания для этого, безусловно, есть. Любое произведение, в сущности, немыслимо вне обстоятельств и событий жизни его автора, даже если оно посвящено исторической теме. Но было бы более чем странно считать образы Ильки Верстакова, Толи Мазова или Вити Потылицына точной копией одного характера — самого писателя, их создавшего. И повести, где действуют эти герои, отличаются одна от другой, и сами герои, воплощающие не одинаковые авторские цели, разные, и если похожи чем-либо, то разве что своей лиричностью. Как-то в интервью В. Астафьев справедливо сказал: «В любом случае герой — это какой-то вымысел. Даже моя бабушка в «Последнем поклоне» — наиболее автобиографическая героиня — не совсем соответствует реальной бабушке»¹. К этому следует добавить, что творчество В. Астафьева не исчерпывается произведениями, в которых бы элемент автобиографичности преобладал или был бы сознательно подчеркнут. Наряду с «Перевалом», «Последним поклоном» и «Кражей» — произведениями явно личностными, есть «Стародуб», «Пастух и пастушка», «Царь-рыба» — повести с вымышленным сюжетом, к которым примыкают и многочисленные рассказы.

СГерои В. Астафьева в подавляющем большинстве его современники. Их духовный рост, их переживания и по-

¹ В. Астафьев. Дослушать и понять все песни. «Советская культура», 1977, 25 ноября.

трясения, естественно, соответствовали жизненному опыту их создателя, но никогда этим опытом не ограничивались, не исчерпывали его, так как входили в литературу эти герои на разных этапах нашей истории и в разные периоды жизни писателя, а потому отражали ту или иную степень понимания Астафьевым людей и событий; по глубине постижения характер Ильки Верстакова сопоставим с Толей Мазовым, да и само время в повестях «Перевал» и «Кража» хронологически не совпадало.

Но вполне закономерно, что наступил момент, когда В. Астафьев почувствовал необходимость обратиться к фактам биографии. Так появились «О себе» (1966), «Рассказ о рассказе» (1968), «Сопричастный всему живому» (1972), «Стержневой корень» (1975) и биографические эпизоды в других книгах писателя. И теперь, учитывая большое значение в его произведениях собственного жизненного опыта, хочется подробнее остановиться на биографии писателя.

Виктор Петрович Астафьев родился 2 мая 1924 года в селе Овсянка Красноярского края в семье крестьянина Петра Павловича Астафьева (1901—1979). Его мать, Лидия Ильинична, урожденная Потылицына (1901—июнь 1932), погибла, когда сыну исполнилось восемь лет. Она утонула в Енисее. В повести «Перевал», посвященной «светлой памяти Лидии Ильиничны», Илька с нежностью вспоминает о погибшей матери. Надо полагать, что это та правда, которую сохранила и поэтически преобразила цепкая память художника. Родилось нечто живое, полное любви. Много позднее, в 1972 году, В. Астафьев, не сетуя на свою жизнь, все-таки скажет: «И лишь одно я просил бы у своей судьбы — оставить со мной маму. Ее мне не хватало всю жизнь и особенно остро не хватает сейчас, когда возраст как бы сравнивает меня со всеми пожившими людьми, и нет уже в душе метания, наступает то усталое успокоение, которое нетерпеливо ждут матери, надеясь хотя бы в старости

прислониться к дитю и умиротворить себя и его безбрежно добрым сердцем, всегда готовым к утешению, состраданию и ласке»¹.

Семья со стороны матери — «трудовая, огромная, степенная и певучая» — с наибольшей полнотой представлена в «Последнем поклоне», разумеется, с большой степенью обобщения.

В 1934 году отец, Петр Павлович, женился вторично, а в 1935 году переехал на заработки в Игарку. Родились дети, новая росла семья, а доходы оказались невеликими, организованности и согласия в семье было и того меньше. В автобиографии 1972 года В. Астафьев скажет об этом времени кратко: «Здесь мы хватили лиха».

Пошел в школу В. Астафьев, как и все, с восьми лет. В первом классе учился в родном селе Овсянка, в Игарке окончил начальную школу, а вот осенью 1936 года, когда надо было учиться в пятом классе, с ним случилась беда: остался он один, учился кое-как и до марта 1937 года беспризорничал, пока не был «сдан» в игарский детдом-интернат.

В 1975 году, вспоминая о детдоме в Игарке, В. Астафьев с особым чувством признательности расскажет о его воспитателе, а затем директоре Василии Ивановиче Соколове, который в те трудные переходные годы оказал на него благотворное влияние. Нет, больше того, — весь его облик настоящего русского интеллигента, его поведение, такт и чуткость, его знания и уникальный опыт стали для будущего писателя воплощением характера настоящего человека. «Василий Иванович возвышал в собственных глазах униженных и прибитых сиротством малых людей, выявляя в них не то, за что их можно еще больше унижить и растоптать, а то, что от рождения было дано им матерью и природой». «Вся моя сущность, — обобщает далее В. Астафьев, — плоть моя, дух

¹ В. Астафьев. Повести. Красноярск, 1974, с. 13.

глубоко вросли в ту почву, в землю — точнее сказать, где в могиле, давно утерянной людьми, лежит одинокий, суровый с виду, проживший сложную и насыщенную жизнь, человек. От него пророс и укрепился во многих людях и во мне тоже корень добра — засушить его, вырвать, извязать в узлы, значит, изменить чему-то святому, подвести человека, жизнь и душа которого была вложена в работу и передана без остатка нам»¹.

С Более подробно с В. И. Соколовым мы познакомимся позднее в повести «Кража» (он прототип образа Репнина). В 1937 году В. Астафьев остался в пятом классе на второй год, и зимой 1938 он, катаясь на лыжах, сломал ногу в бедре и пролежал четыре месяца в гипсе. Отец с мачехой разыскали его, забрали домой в станок Карасино, где Петр Павлович работал десятником на дровозаготовительном участке. Дostatка и порядка, как и прежде, в возросшей семье не было, и четырнадцатилетний подросток, еще не оправившись от болезни, начал прирабатывать: заготавливал дрова для пароходов, добывал на продажу рыбу в Маковском озере неподалеку от Енисея... «Зачем понадобилось отцу с мачехой забирать меня из детдома, где я был сыт, одет и обут, — недоумевал Виктор Петрович спустя много лет, — для меня до сего дня остается загадкой»².

В 1939 году В. Астафьев снова оказался в игарском детдоме и снова — третий год — в пятом классе. Тут на его детском пути встречается еще один замечательный человек — учитель литературы и поэт Игнатий Дмитриевич Рождественский.

В. И. Соколов и И. Д. Рождественский заметили живой огонек в душе беспокойного и впечатлительного подростка, и в 1941 году он благополучно окончил шестой

¹ В. Астафьев. Стержневой корень. «Красноярский рабочий», 1975, 10 июня.

² В. Астафьев. Повести. Красноярск, 1974, с. 10.

класс. Игнатий Дмитриевич увлеченно рассказывал ученикам о богатствах русского языка, учил вдумчивому чтению и пониманию красоты художественного слова; прививал вкус к самостоятельному творчеству. «Вот так щедро и доверительно отдавать себя людям, да еще маленьким, приобщить их к сотворчеству способен все же редкий учитель», — оценит впоследствии Виктор Петрович роль учителя И. Д. Рождественского в своей судьбе¹.

На одном из таких уроков В. Астафьев написал сочинение под названием «Жив!». В нем, вероятно, впервые прорвалось наружу то радостное, до слез умиленное и прекрасное, что пережил недавно школьник в тесном единении с природой на Маковском озере. Сочинение было признано лучшим в классе и помещено в рукописном журнале игарской школы № 12. Через несколько лет писатель, тогда еще начинающий, вспомнил о своем школьном сочинении и написал рассказ для детей «Васюткино озеро». Рассказ этот многократно переиздавался.

В мае 1941 года В. Астафьеву исполнилось 16 лет — детдом нужно было покидать. В ранней автобиографии об этих днях рассказано так: «Деваться некуда. Один, как перст. Возраст дикий и романтичный. Душа от книг размягченная, мечтательная, а жрать нечего, жить негде, приткнуться не к кому»². Поездка к отцу ничего не дала, — отчуждение, возникшее за последние годы, лишь укрепилось. Юноша вернулся в Игарку и стал работать коневозчиком на кирпичном заводе, чтобы накопить денег и выехать из Заполярья в Красноярск. Осенью с большими трудностями, так как уже шла война, В. Астафьев добирается до города и на станции

¹ В. Астафьев. Стержневой корень. «Красноярский рабочий», 1975, 10 июня.

² См.: В. Шишов. Родное, близкое, свое. Омск, 1969, с. 40.

Енисей поступает в ФЗУ. Сначала, правда, он и работал и пробовал учиться на тракториста, но, обнаружив «неспособность» к технике, поспешил оформиться в только что открытую, потому запоздавшую с набором железнодорожную школу. В июне 1942 года группа учеников-мальчиков получила специальность «составителей поездов» и была направлена на работу. В. Астафьев на станции Базаиха проработал всего четыре месяца и ушел в армию добровольцем.

О глубинных мотивах поведения юноши в дни войны говорить не приходится: они ясны. А вот о непосредственном толчке, побудившем немедленно пойти на фронт, рассказано в одной из глав «Последнего поклона»:

«Мне, Абросимову, Кузьме и трем пожилым рабочим с промучастка велено было заняться погребальными делами. На станции отцепили от поезда, идущего с эвакуированными из Ленинграда, ледник, набитый покойниками... Похоронами я был не просто раздавлен, я был выпотрошен, уничтожен ими и, не выходя на работу, отправился в Березовку, в военкомат — проситься на фронт».

В этом же 1942 году В. Астафьева привезли в Новосибирск. Здесь он обучался в пехотном полку, убирал в Искитимском районе хлеб, зимой овладевал профессией шофера, а весной 1943 года отправился на передовую. До самого конца войны он оставался рядовым солдатом. Менялись только профессии — шофер, артразведчик, связист, конюх в нестроевой части после ранения. Воевал на Брянском, Воронежском и Степном фронтах, в составе войск Первого Украинского фронта. Осенью 1943 года на Днепровском плацдарме Астафьеву повредило глаз, затем серьезно контузило, а в сентябре 1944 года в районе польского города Кросно он был ранен в руку. В документе после выписки из госпиталя сказано: «Сквозное осколочное ранение левого предплечья с повреждением кости (тяжелое)». Врачебное

заклучение по тогдашним временам звучит обыденно, а сегодня как будто даже и не страшно. Но у писателя и сегодня — в памяти мгновенная смерть товарищей и друзей из 17 артдивизиона, до сих пор не проходит душевная, ни с чем не сравнимая боль. И горчайшие воспоминания об этом страшном для солдата дне заключены словами: «А писать не могу — стискивает сердце, душат слезы». Не потому ли так долго «подходил» писатель к военной теме и главному для него в ней?

В октябре 1945 года В. Астафьев демобилизован вместе со своей будущей женой Марией Семеновной Корякиной. Они приехали в родной город жены — Чусовой на Урале. В двадцать один год — ни законченного среднего образования, ни профессии, ни здоровья.

Начиная с ноября 1945 года трудовая книжка В. Астафьева пополняется такими записями: дежурный по вокзалу станции Чусовой (проработал почти девять месяцев), кладовщик (14 месяцев), слесарь (10 месяцев), с сентября 1950 года по апрель 1951 — подсобник на Чусовском мясокомбинате. В книжке есть отступления от строгой хронологии: Виктор Петрович ездил в родные края, оставлял «службу» во имя «вольных» заработков («шабашничал»). Да и «должность», записанная в книжку, заметим кстати, не всегда соответствовала действительной — на мясокомбинате, например, он и разнорабочий, и мойщик, и вахтер.

Бытовые послевоенные трудности не уменьшились. Пошли дети, взят на воспитание мальчик. Житье тесное, работа удовлетворения не приносила, учиться, чтобы приобрести «свою» профессию, — времени не доставало.

«Я метался по разным работам, — рассказывает В. Астафьев в своей первой автобиографии. — Квартиры нет, одежды нет, хлеба нет, а вот ребенок появился. Умерла дочка первая. Прожила всего полгода. Сахару не было. Покупали на базаре какую-то «соломинку» и этой соломинкой отравили девочку. И до сих пор не оставляет меня

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	3
Глава вторая	33
Глава третья	65
Глава четвертая	101
Глава пятая	146
Глава шестая	212

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ЯНОВСКИЙ

ВИКТОР АСТАФЬЕВ

М., «Советский писатель», 1982, 272 стр. План выпуска 1982 г. № 397.
Редактор Р. П. Ляшева. Худож. редактор Н. С. Лаврентьев.
Техн. редактор Г. В. Белькова. Корректор Е. Я. Лапинь

ИБ № 3190

Сдано в набор 31.08.81. Подписано к печати 26.02.82. А 09051. Формат 70×108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 13,11. Тираж 20 000 экз. Заказ № 718. Цена 65 коп. Издательство «Советский писатель». Москва, 121069, ул. Воровского, 11. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной
универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу:
г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-48